



Зимфира
Павлова

**УБИЙСТВО
ПО-СОСЕДСКИ**

Зимфира Алексеевна Павлова

Убийство по-соседски

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34331410

ISBN 9785449095862

Аннотация

В вашем доме, в вашем подъезде произошло убийство. Убийца безусловно кто-то из ваших соседей. Кто? Зайдем-ка мы ко всем соседям и посмотрим, кто как живет и чем дышит. Вместе и вычислим убийцу. И поймаем его. Вместе.

Содержание

Читателям	5
Убийство по-соседски	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Убийство по-соседски

**Зимфира
Алексеевна Павлова**

© Зимфира Алексеевна Павлова, 2018

ISBN 978-5-4490-9586-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Читателям

Даже и не надейтесь выдумывать всякую чушь, что существуют реальные прототипы действующих в книге лиц. Хотя в каждом из них есть частица каждого из нас и в этом тоже можете не сомневаться. А можете сомневаться. К стати и мнения и высказывания героев этой книги, ни мне, ни Вам разделять не обязательно, это Вы и сами знаете.

Автор.

Посвящаю русскому миллиардеру Потанину в расчете на материальную ответную благодарность. Или блин я пролетела? Может Абрамовичу надо было посвятить? Или Прохорову?

Я с Удовольствием.

Убийство по-соседски

Глава 1

Начиная с утра в дежурной части городского отдела беспрерывно звонил телефон. Оперативный дежурный по горотделу Чигиринский уйти на обед не смог и сейчас с надеждой ждал, что его подменят часа в три-четыре. Вечером можно будет перебиться чайком с бутербродами, а сейчас хотелось борща, горячего со сметаной. Глубокую, большую тарелку. Чигиринский сглотнул слюну и снова поднял телефонную трубку.

– Городской отдел полиции, дежурный по горотделу Чигиринский, слушаю Вас.

– Это полиция?

– Да, я слушаю, что у Вас случилось?

– Слушаете?

– Да!

– Вы знаете, у меня собачка моя пропала, моя собачка, Мура! Я с ней с утра вышла погулять, зашла в магазин за хлебом, вышла, а её нету. Я её звала, искала, о ё-ей, везде, везде, везде искала, ох, ох! Нету, нету нигде, нигде! Помогите мне, найдите, она беленькая, маленькая, её зовут Мура.

– Успокойтесь гражданочка, не плачьте. Мне жаль, что

Ваша Мура потерялась, но нельзя же так рыдать и расстраиваться. Ваша собачка вполне может быть найдется. Вы время не теряйте, а сейчас же идите и расклейте везде объявления, опишите в них Вашу собачку и вам вполне может быть её вернут. Ещё и по телевизору в бегущей строке разместите объявление.

– Пенсия кончилась, пойду денег поищу займы, кредит возьму, сделаю!

– Вот и хорошо, до свидания!

– Спасибо Вам.

Майор повесил трубку и глубоко вздохнул. У каждого свое горе. Листавший журнал регистрации сообщений, молодой крепкий выпускник высшей школы полиции, чернявый увалень Яблоков сказал с улыбкой:

– Ха! Ну что, Василич, мышей не ловишь, собак не ищешь?

– Ну не говори, Коля, сейчас все брошу и начну искать по городу пропавших мышей и собачек! Может тебя послать? Но знаешь, у меня у самого пес пропал. Двенадцать лет с нами прожил, а потом он ушел – и пропал. Говорят, хорошая собака дома не умирает, а уходит умирать куда-нибудь, если есть по близости лес, то уходит в лес. А мне ведь и сон про него снился, что он живет в лесу, но душой. Не веришь? Нет, мы ведь всей семьей, стыдно сказать, плакали, рыдали прямо, ждали нашего песика. Тосковали, надеялись, что может ещё вернется, найдется наш умница. И сейчас ду-

ша болит, как вспомню его. Эх! Ладно...

Коля Яблоков посмотрел на Чигиринского с сочувствием.

– Я, Василич, все понимаю, но надо же и людям понимать, что именно полиция должна делать, а что-нет. Я бы может тоже вместо того, чтобы искать, кто ночью дверь у хлебного ларька расхреначил, лучше бы кошечек с дерева снимал.

– Тоже мне, Айс Вентура, дед Мазай Кошачий, проворчал голодный Чигиринский.

– Ага Айс Вентура! У нас сейчас вообще-то тот ещё народ пошел. Современный дед Мазай не зайцев на лодке спасает, а звонит подряд всем службам и права качает, орет, требует чтобы мы все дружно кинулись в лодки и рванули немедленно на спасение зайцев.

Чигиринский обреченно кивнул.

– Да, деды и бабки сейчас очень нервны. Орут, вопят, требуют, критикуют. Борются, одним словом.

– Я, Василич, буду дедом спокойным, обещаю, – заявил с улыбкой Яблоков.

– Ну-ну, доживи еще до деда с такой работой. Я Вот до пенсии жду – не дождусь дожить два года. Сегодня у меня «зоологический день». То козу из сарая в частном секторе увели, то собачку искать просят.

Стеклянная дверь с надписью «Дежурная часть» с грохотом отворилась и в помещение ворвалась довольно не молодая, но крепкая, энергичная мадам, похожая по напористости на директрису средней школы. Мадам с порога властно

и яростно спросила, обращаясь с майору.

– Где котик?

– Какой котик?

– Вася!

– Уважаемая, с чего вы взяли, что мы должны знать, где ваш котик! Еще и котиками мы заниматься должны! Должны знать, где он шастает.

– Ха! – Только и сказал Коля Яблоков.

– Да Вы же сами забрали его, бедного, когда он сидел на лавочке под окном!

– Кто забрал? Я забрал? Ошеломленно спросил Чигиринский.

– Ну нет, не вы конкретно, а ваши коллеги. Целая машина полицейских в форме приехала за Васей. Ткнули ему в нос какую-то бумагу и заставили прочитать.

– Ха! Вот так да-а-а! И что, Ваш котик его прочитал? – с иронией спросил молодой оперативник.

– Конечно, молодой человек. Прочитал. Как никак у него высшее образование. Вас удивляет, что он умеет читать?

– Таааак! – протянул Чигиринский.

– Действительно, Ха! Где же это, дорогая гражданочка, в наше время котам высшее образование дают? Конечно, сейчас институтов развелось, как нерезанных собак, и дают кому не попадя дипломы направо и налево, только плати, но чтобы котам! Ну вообще!

– Не котам, товарищ майор, а котикам! – гордо сказала

дама!

– Бабуля, какая разница, котам или котикам! – вкрадчиво заговорил Яблоков, который подумал, что старая дама явно не в себе, а таких обращается не мало.

– А такая разница молодой человек, что мой зять не кот, а котик! Котик.

– Мои соболезнования вашей дочери, мадам, – с сочувствием к сумасшедшей тетке произнес Яблоков.

– Еще раз повторяю, – повысил голос голодный Чигиринский. Не знаю я никаких ни котов ни котиков. С людьми некогда разбираться, черт его дерит!

– Вот так! А мой зять для вас значит уже не человек? Да?

– Так вы же сами речь ведете о коте!

– Не кот, не кот, а котик! Котик! Фамилия – Котик! Фами-ли-я!

– Бестолковщина! Я поражаюсь! Вы о чем здесь сидите мечтаете!? Где у Вас записано, куда его дели?

– Постой, Василич, постойте бабуля! – встрял Яблоков – Ваш зять не в двадцать первом доме живет на Пионерской улице?

– Да, молодой человек! И где он?!

– Ну так его нашли ребята из уголовного розыска, как свидетеля, попросили дать показания. Ехали с обеда и заехали по пути. Вы ведь тоже в этом доме живете? Они в девятнадцатом кабинете на втором этаже. Вы тоже можете туда пройти. Вы ведь тоже свидетель по делу Русакова, он в Ва-

шем подъезде жил?

– Да, жил. Я конечно свидетель. И я понятой была, когда полиция приезжала. Когда осмотр делали. Ну, если зятя, как свидетеля вызвали – другое дело. А то бабульки у подъезда страху на меня нагнали: «Приехали, забрали твоего зятя!». Так вы говорите, что он в девятнадцатом кабинете? Хорошо. А вам, молодой человек я хочу сказать, что я хоть и действительно бабуля, но не ваша. Для вас я пока в бабушки не го- жусь. До свидания.

Мадам удалилась.

У Чигиринского голод разыгрался ещё сильнее, но звонки телефона сосредотачиваться на голоде не давали, а Яблоков ушел, сказав на прощанье:

– Василич! Желаю тебе до конца дежурства додежурить спокойно, чтобы у тебя по улице крокодилы с Годзилами не гуляли и котики – мутанты не шастали. Ха!

– Да иди ты, остряк мне нашелся!

Глава 2

Дом номер двадцать один по улице Пионерской был дом как дом. Типичная пятиэтажка. И улица Пионерская была как улица, типичная улица, которых в России – ну очень много.

И город был – городишка не большой. Городишка так себе.

Первый подъезд дома №21 по улице Пионерской был – угадали? Точно. Подъезд как подъезд.

А поскольку так, то и люди в этом подъезде жили – люди как люди, не лучше и не хуже других. Правда, если брать каждого по отдельности, то все и каждый был по своему единственный и неповторимый, хотя и похожий какими-то чертами ещё на кого-нибудь.

«Бабье лето» радовало последним мягким ласковым теплом, и сидящие на скамеечке возле второго подъезда бабушки подставляли солнцу лица со жмурящимися глазами. Впрочем, замечать кто и когда и куда прошел мимо них, или вошел и вышел из подъезда, солнышко им помешать не могло. Нашим бабушкам ничто не могло помешать видеть такие вещи. Зинаида Алексеевна Ромашкина, убедившись в том, что любимый зять Вася Котик пребывает в целостности и сохранности и полицией не задержан, подошла к своему подъезду.

– Здравствуйте девочки, кого не видела – пропела мадам

Ромашкина, подсаживаясь на край скамеечки к потеснившимся бабушкам.

– Зятя моего свидетелем в полицию вызвали, а какой он свидетель? Бестолковщина! Лучше бы Вас, девочки, как следует расспросили, вот был бы толк.

– Зиношка, да нас уже рашшпрашивали, а как ше!

Баба Маша забыла вставную челюсть, а возвращаться не хотелось. Приходилось «шипеть».

– Мы ше вчера тоше здесь шидели и ведь никого поштороннего не видели. Тьфу ты Нина, рашкаши ты шеловеку все, что вчера-то было, а то я без шелюсти выгляшу плохо.

Бабушка Нина, хотя и с челюстью красотой тоже как то не блистала, но свято верила, что она красотка. Седые волосы красила в ядовито-оранжевый цвет и блузки себе покупала яркие. Хоть и на рынке, хоть и дешевые, но обязательно яркие и «фасонистые».

Ну вот и молодец – считали многие. А ведь и правда – молодец!

Бабушка Нина, вся в нервах, сказала:

– Зиночка, ведь согласишь, страшно подумать, никто посторонний из нашего подъезда не выходил и в подъезд не входил. Егор живет на пятом этаже, оба окна и из кухни, и из комнаты выходят сюда, во двор. Мы тут сидели, и утром он при нас побежал в магазин и вернулся с бутылкой.

Улыбался, веселый, поздоровался, как всегда здоровался. Молодец. (У бабушек, еще со времен их деревенского дет-

ства, критерием хорошего человека служило то, что он всегда здороваётся). Шел один. А часа через полтора подъезжает полицейская машина – и в наш подъезд заходит полиция. Мы тут у них конечно спрашиваем:

– В чем дело? Вы к кому?

А они говорят:

– Егор Русаков у Вас повесился?

– Батюшки! Да как же так?! Он же был веселый, шел с бутылкой. Чего бы ему вешаться то? Он конечно с морей, с заработков приехал нервный. Да ведь уже две недели, как от туда вернулся, деньги недавно получил, еще не пропил, не успел бы, только начал. И с чего ему, молодому, вешаться? Когда, мать его царство ей небесное, померла два года назад, он конечно пить начал больше, но ведь пьют мужики, заразы, многие, чуть не каждый день квасил. И жены их с ними же многие пьют. В нашем вон подъезде 15 квартир и добрая половина жильцов – пьют. Да и в любом доме то же самое, если не хуже. Пьют, жизни нормальной не видят. А уже если и бабы пьют, те похлеще мужиков алкоголички. Кто бы придумал лекарство от пьянства – тому Нобелевскую премию. И золотой памятник во весь рост. У нас в подъезде только на втором этаже никто не пьет. А так на других этажах пьющие жильцы хоть в одной квартире, но есть. Пьют, за квартиру не платят годами. Я на еде копейки экономлю, на одну пенсию живу, а за квартиру плачу. У меня долгов нет. На всем экономлю. На старости лет жмешься во всем, и пе-

ред смертью не поживешь, как хочется. За границей пенсионеры путешествуют, а у нас государство отдает нашу нефть бессовестным делягам, эти хапуги нефтью торгуют и за наш счет у них миллиарды копят, а мы нищие. Нищие! Специально нас так морят, чтобы поскорее сдохли, чтобы пенсию платить не кому было.

– Да Ниношка – прошамкала баба Маша.

– Правительство этими хапугами и поставлено, оно у них как марионетки, которыми легко манипулируют и управляют сверху за ниточки. Да што уш там, от нас то, што зависит? Зря только шипим, шебе же давление нагоняем. Ты лучше про вчерашнее Зине рашшкаши, она то ш нами не шидела, нишего не видела.

– Я то много чего видела, девочки – сказала гордо мадам Ромашкина, – но с начала вы мне расскажите.

– Да мы уже все рассказали, твоя очередь! – затараторила бабушка Нина. – Рассказывай быстрее, а то мне к парикмахеру надо. Записалась на 5 часов. Видишь, корни седые отрасли, торчат из под рыжих волос, уже ходить стыдно. А на рынке в киоске краска эта закончилась, которой я сама крашусь. Рассказывай Зиночка!

– Да, девочки, рассказываю. Такого стаха натерпелась! – Мадам прижала кулаки к объемному бюсту и закачала головой. – Я спать теперь боюсь без света, а в подъезд ночью не выйду ни за что, лампочки горят всего на двух этажах, на третьем и четвертом. А у нас на первом – хоть вкручивай,

хоть нет, все равно выкрутят. Заходишь – темно, как в могиле. О господи! А было со мной вчера вот что. Начну с утра.

Утром дочь моя зятя проводила на работу, внучка проводила в школу, и занялась готовить обед. У нее у самой был отгул. А я решила постирать. Мой зятюшка подарил мне автоматическую стиральную машину, сама стирает, полощет и выжимает – счастье.

– Зина, про свою машинку расскажешь потом – сказала бабушка Нина.

– Да, да, девочки. Так вот. Вы сами знаете, что я дружила с матерью Егора, покойничка, и ей царство небесное. Ой, хорошо, что она раньше него померла, не дай бог детей своих пережить. Пусть живут долго и счастливо дети наши. А про стирку я сказала не просто так и не от старческого слабумия, – сверкнул глазами Зинаида Алексеевна, – а потому, что в память Егоровой матери я о нем маленько иногда забочусь, вернее заботилась. Вот я и решила заодно постирать на машинке постельное белье Егору. Так – то он был чисто-плотный, но с этой пьянкой стал опускаться. Пойду, думаю, возьму бельишко и заодно пожурю. Потопала на пятый этаж. Подхожу к двери, стучу, звонок то перегорел, не работает. Дверь толкнула – а она открылась. Не заперто было. Я захожу... Он висит в петле. Девочки, девочки! О-еёёё-ей!

– Не плачь, милая, не плачь! – Сама захлюпала носом баба Нина.

– Как страшно, как страшно! Девочки! Язык вывален,

а ноги до пола чуть-чуть не достают. Лицо синее, отекшее, не двигается. Я закричала на весь дом, завопила, в подъезд выскочила, сама спотыкаюсь. Я была с телефоном, позвонила в полицию и в скорую помощь. А жутко, а страшно! Полиция мигом приехала, видать машина где-то рядом была. Потом ещё одна машина полицейская приехала со специалистами. А «скорая помощь» приперлась через полчаса. Я сказала полицейским, что вызвала «скорую». Но они ответили, что чего не надо – того уж не надо, поздно. Меня попросили быть понятой при осмотре места происшествия. Им потом влетело, вроде как я свидетель и меня понятой брать было нельзя. А я от куда знала?! В общем один из них стал писать протокол, другой ему диктовал, все тщательно осматривал. А у меня в голове каша, я не верю, хоть убей, что Егор мог так поступить. Он был веселый, хоть и с пьянки веселился. Деньги за рейс получил. Я уверена, что-то не так. И на лбу у него шишка, как от удара и тут я вспомнила! У меня ведь племянник заканчивает институт. Юридический. Он проходил практику в следственном комитете, и он рассказывал, что старый следователь, у кого он практику проходил, был очень добросовестный и скрупулезный, старой закалки. Он требовал от криминалистов, чтобы те брали смывы с рук у повешенных покойников. А все дело в том, что бывали случаи, когда на руках повешенных не было микрочастиц веревки, на которой они висели. Сечете, девочки?

И как же так можно повеситься не беря в руки веревку,

на которой висишь? И я категорически потребовала взять смывы с рук Егора. Немедленно. Полиции это не понравилось. Но! Я на своем настоять умею, Вы меня знаете.

Бабки слушали раскрыв рты, глаза молодо блестели. Мадам Ромашкина купалась в эмоциях, в своих и эмоциях соседок. Смотрели они, на нее, и уважительно, и восхищенно, и завистливо и никакой, как обычно, критики.

– Лапушка, Зиношка и што, што? – Затрясла головой баба Маша.

– А вот что! Я когда ходила за зятем в милицию, в девятнадцатом кабинете, следователь говорил с экспертом по телефону.

Мадам Ромашкина замолчала и вроде как даже задумалась. Потом пристально и с подозрением поглядела на каждую из бабушек и с ужасом, давясь словами заявила, – Нет у него на руках следов веревки. Нет! Егора повесили. И узел на веревке – какой-то бабский, вот что я услышала.

Все молчали.

Выпучив глаза, возмущенно заговорила бабушка Нина, – Ты, голубушка, кого подозреваешь?

– Господи, Ниночка, ну не Вас же! Вы в это время на лавочке вместе здесь сидели.

– А если бы не сидели, то с ним, с пьяным и дите бы справилось, и женщина любая, в том числе и вы, голубушки.

– Мы его любили, нам его жалко – сказала Бабушка Нина.

– А вывод-то все-таки один. Кто-то из находящихся в на-

шем подъезде его убил, и точка. А поскольку никто посторонний не входил и не выходил – это кто-то из живущих здесь. И будем вычислять. Каждого.

Внезапно налетел порыв сырого студеного ветра, заставив бабушек съежиться от холода. Или от страха?

Глава 3

На лестничную площадку первого этажа выходило три двери, абсолютно разные. Справа – дверь в квартиру, где жила семья мадам Зиновки Ромашкиной. Выглядела дверь солидно. Железная, с глазком, нарядная, красивого шоколадного цвета, чистенькая и блестящая. На площадке первого этажа это была самая уважаемая дверь. Впрочем, дверь эта человеку, который входил в подъезд, сразу в глаза не бросалась, так как находилась с боку, рядом с лестничным пролетом на второй этаж, на входе в квартиру №3. Первой дверью, на которой останавливался взгляд всякого, входящего в подъезд человека, была дверь в квартиру №2, где жила соседка Ромашкиной – учительница физкультуры средней школы, Настя Филиппова. Дверь выглядела по проще и победнее, но так же была железной, выкрашенной черной краской.

Зато дверь слева от входа, ведущая в квартиру №1, могла бы опозорить Россию перед всем прогрессивным человечеством, если бы человечеству в голову пришел бы «бзик» на эту дверь взглянуть. И хорошо, что такого желания у человечества не возникло, а то Россию учат жить все, кого не просят, одни советчики везде. Хлебом не корми, дай посоветовать как жить России.

А дверь была репутация донельзя, позорная, одним сло-

вом, дверь. А если не одним словом, то грязная, облезлая, вся в трещинах, а в области замка состояла из фанерных заплаток, ДВП и каких то дощечек, так как выламывалась жильцами квартиры и их гостями систематически и неуклонно. А после взломов ремонтировалась, как попало.

Вопреки всем законам физики и логики дверь почему-то не рассыпалась в прах. Опилки, из которых когда-то она была спрессована имели совесть и чувство ответственности, в отличии от жильцов квартиры, напрочь не имеющих у себя этих свойств характера.

В квартире жила «сладкая парочка» алкоголиков, муж и жена. Фамилия Наливайко им подходила идеально, любимая фраза этой семьи была аналогичной: «наливай-ка». Определить их возраст было крайне затруднительно, так как пили они страшно, и так же выглядели. Впрочем, прогрессивное человечество в любом случае не дало бы им меньше, чем лет по двести.

Конечно, мадам Ромашкина знала их настоящий возраст. Он помладше, ему сорок восемь лет, а она постарше, ей пятьдесят пять, уже получает пенсию. И потому является желанной женщиной, у которой есть на что выпить.

Когда у них выпить было не на что, они за бутылку и убить могли бы, – размышляла бабушка Ромашкина, спешно готовя ужин любимому зятю и всепоглащающе любимому внуку. Дочь на работе до поздна, а голодный мужчина любого возраста – это источник повышенной опасности. Мамонт –

главная добыча мужчины, которую необходимо было приготовить хранительнице очага – женщине. Сытые же мужчины могут быть вполне милыми людьми, вот так – то!

«Очень мил бывает кролик иногда, с ним приятно сесть за столик, да, да, да!» В исполнении мадам Ромашкиной песенка могла классифицироваться как «ворчалка» или «пыхтелка»:

В дверь постучали и бабушка Ромашкина прошествовала в коридор.

– Кто там?

– Это я, Зинаида Алексеевна, я – Настя!

– Входите Настя, пригласила мадам Ромашкина, соседку из второй квартиры, учительницу физкультуры, крашеную блондинку, с сильными стройными ногами, но практически без бюста. «Детей сейчас выкармливают смесями, молочные железы только как украшение», довольно несправедливо подумала бабушка Зиночка.

Впрочем, у Насти украшением служили, хоть и колючие и холодные, но большие, красивые голубые глаза, умело накрашенные дорогой косметикой.

– Зинаида Алексеевна! Соли не найдется? Ложечку! Опять забыла соль купить. Ведь специально в магазин ходила. Купила все, кроме соли. Суп посолить нечем, а сейчас Пашка со школы придет, голодный.

– А Вы, Настя, что сегодня не в школе?

– У меня Зинаида Алексеевна, в среду уроков нет.

– А-а-а Вот оно что! У тебя в разные дни, уроки в разное время, до обеда ты тоже дома была? Ты к Егору, царствие ему небесное, случаем, не поднималась?

– Зинаида Алексеевна! Я познакомилась с приличным мужчиной. Может быть и он окажется в итоге дерьмом, но уже не таким, как этот алкаш, хоть о покойниках плохо и не говорят. Я от Егора отвязаться не могла ни как. Жизни не давал! Еще бы не хватало, чтобы я сама к нему поднималась. С ним управились без меня. Видать ни одной мне он стоял поперек горла. Зинаида Алексеевна у меня суп выкипает!

– Сейчас, сейчас Настенька!

– Что вы, учителя все нервные такие? Вас в институт видать ещё при поступлении по конкурсу подбирают. Кто самый нервный, того и берут. – Потихоньку себе под нос, ворчала мадам Ромашкина уже на кухне, доставая горшочек с солью.

– Возьмите Настенька, бегите, солите.

Почему-то переходя на «Вы», пропела мадам Ромашкина.

Зинаида Алексеевна закрыла за Настей дверь и отправилась на кухню, дожаривать кабачки.

Так! Нарезать еще, пластиками, посолить, в муке обвалять и на сковородочку. Чуть-чуть подсолнечного и сливочного не пожалеть. «Мама! На каком масле вы это делаете?» заверещала ввевшаяся в мозг стародавняя реклама. Блин! Запомнилась навсегда. А ведь было бы намного прият-

нее, если бы чаще всплывали хорошие воспоминания жизни, а не железобетонная реклама, которая как отпечаток клейма на теле остается с тобой на всю жизнь. В отместку на это мадам Ромашкина никогда не покупала то масло, которое так назойливо вбивала в голову реклама. Вот такую страшную месть задумала и осуществила мадам.

А ведь Настя спортсменка, молодая и сильная – думала бабушка Зина. А уж в гневе – то с любым мужиком справиться. Егорка после морских рейсов, пил практически беспробудно, был психованный и жить ей нормально не давал. Свою жизнь губил, Насте осточертел, и её сыну Паше вместо нормального детства ад кромешный устраивал, своими пьянками и драками.

– Ой! Батюшки! Масла надо добавить, а то подгорят кабачки. Ох и вкусные получаются на холестеринчике, аж слюны текут.

Глава 4

Бабушка Ниночка, Нина Петровна, бывшая медсестра, жила в квартире №4 на втором этаже. Под квартирой «сладкой парочки» пьяниц. Жизнь у нее, как и у всяких соседей, живущих рядом, над или под квартирами «алконавтов» было несладкой. Пьяный шум и гам не давал покоя, ни днем ни ночью. В речи жильцов квартиры и их гостей преобладали слова нецензурные. Впрочем, если говорить совсем точно, то вся их речь состояла из нецензурной брани. У хозяина квартиры был, туберклез, а по странной логике жизни, больным туберкулезом требуется секс в очень больших количествах и очень часто. Поскольку пьянчуги на работу не ходили, им было все равно, какое на дворе время суток. Потому покоя Нина Петровна не знала ни днем, ни ночью, ни утром, ни вечером.

«Сеанс» секса в нехорошей квартире начался, как всегда с воплей и ссор.

– Не хочу, от сь!

Что означало: «Оставь меня в покое». Ложись такая-то и растакая то, трамтарарам тара ра рам.

– Господи! За какие грехи?! – Ужаснулась в очередной раз бабушка Ниночка, накинула теплую кофточку и отправилась в соседнюю пятую квартиру, на своем же втором этаже, к умной, спокойной, доброй подружке бабушке Александре Пав-

ловне, основным занятием которой было чтение книг. Александра Павловна была в прошлом заместителем начальника отдела кадров на крупном предприятии. Выйдя на пенсию и забросив дачу, которую то заливали наводнения, то обворывали бомжи, она увлеклась психологией и философией, так как прожить жизнь и не понять смысл этой самой жизни, она себе позволить не могла.

– Заходи, дорогая моя Нина Петровна – пригласила подругу Александра Павловна.

– Сашенька, как ты хорошо выглядишь – восхитилась бабушка Ниночка, глядя на подругу.

– Спасибо дорогая. Стараюсь за собой следить, не засорять своим видом окружающую среду. Давай, приходи почаще, будем вместе ухаживать за руками, за шеей за лицом.

– Сашенька, мне бы спать по ночам нормально, не слушать ночь – полночь маты – перематы и пьяные вопли. Вот тогда бы я тоже получше выглядела. Скажи мне ради Бога, как я могу исполнить Божью заповедь и любить этих «близких» из первой квартиры, как саму себя, как сказано в Евангелии? Меня от них трясет, вот-вот инфаркт или инсульт хватит. Они меня убивают. За что мне это?

– Да, я думала над этим, Ниночка, – тихо, но странно сказала Александра Павловна.

– И до чего додумалась? – С надеждой и любопытством спросила Нина Петровна подругу.

– Ты знаешь, Ниночка, я думаю, что все человечество –

это единый организм. Мы не отдаем себе в этом отчета, а мы ведь связаны друг с другом теснее, чем муравьи в муравейнике или пчелы в улье. Мы связаны единым человеческим сознанием, мы единый живой организм. Как же можно не любить свою руку или ногу и свое, пусть больное ухо или сердце? Алкоголики, наркоманы – это такие же части единого организма человечества. Надо лечить свои больные части тела, а не навидеть их. Да, больную ногу любить трудно, а не любить еще труднее, опаснее и ненормальнее. Если бы не эгоизм, сидящий у нас у каждого в мозгу, то мы поняли бы, что мы единый организм. Мне кажется, этот эгоизм и есть дьявол. Сидит в каждом из нас. Все пороки людей – от него. Ведь если человек будет любить другого человека, снимет с себя маску эгоизма, он достигнет больших результатов в жизни, чем он мог бы себе представить. Преступления совершаются людьми только из-за эгоизма, какими бы иными причинами это не объяснялось. Алкоголики и наркоманы – эгоисты чистой воды. Этот дьявол – эгоизм, полностью ими овладел. Им, коме себя, на всех наплевать, только бы урвать, водку, пиво, наркотики. И все же они наша часть, часть всеобщего людского единого организма, хотим мы этого или нет. Ведь знаешь, Ниночка, у них своя миссия – показывать нам всю пакость своего увлечения. Иначе откуда бы мы знали, что такое хорошо, а что такое плохо?

– Может быть, ты в чем то и права, Александра, но почему же показывателей – у нас в стране добрых семьдесят про-

центов, а нормальных людей в два раза меньше? Выходит, организм человечества загнил напрочь, и как лечится этому покалеченному существу, единому человечеству. Как.

– Ну ты сама же, Ниночка, Евангелие упомянула. Лечить-ся надо, верой в Бога. Глубокой, искренней, душевной верой. Сами мы слабы, ты это видишь, а Бог силен, всемогущ. Надо просить Его помощи. Не денег просить, а света Божьего, Божьей помощи для души, тогда и тело исцелится. С дьяволом надо бороться, с эгоизмом надо бороться от которого гордыня, беды, болезни и несчастья.

– Хорошо тебе говорить! Ты хоть сама-то знаешь, какие бывают боли, хвори и напасти на человека? Ты недавно в нашем доме живешь. Я твоей жизни Сашенька, не знаю. Я вот бывшая медсестра, навидалась всякого.

– Эх, моя жизнь Ниночка! Моя жизнь... Чтож придется, кое-что рассказать, о чем говорить ненавижу. Может, ты и поймешь, как медсестра.

Тяжкий труд моя жизнь. Только такие же больные бедолаги, как я и могут меня понять. Ну, и ты как медсестра. У меня ранний артрит. Кто не испытывал – убей, не поймет. Анекдот такой есть. Встречаются два человека и один другому жалуется, что геморрой замучил. Второй спрашивает – как это? Первый говорит – зубы у тебя болели? Да, отвечает первый, болел у меня зуб, больно невыносимо. Так вот, отвечает первый, представь, что у тебя полная попа больных зубов. Хотя и это сейчас не пример. Зубы с детства научи-

лись лечить, многие люди и не сталкиваются с зубной болью.

В общем, мне больно. Давно уже. Практически всегда. Сутками напролет. Желудок в эрозии от обезболивающих. Мать курила, беременная, и выпивала понемногу. Я сразу с кучей болячек родилась и всю жизнь с ними жила. То одно лечила, то второе. Я тоже не представляю, как можно жизнь прожить здоровым человеком. Но! Я всю жизнь с детства «симулировала» здоровье. Я внушала окружающим и убеждала, что я здоровая как бык, физкультурница. Я доказывала это окружающим и мало кто знал, или догадывался об обратном. Ипохондрия наоборот.

Жизнь моя состояла из того, что мне для поддержания иллюзии здоровой девахи, приходилось прилагать огромные усилия для того, чтобы делать элементарные вещи. То, что здоровый человек делает не замечая, машинально, я делала с усилиями, с болью, с трудом, надрываясь. При этом хотела и делала все возможное, чтобы никто не заметил этих сверхусилий, ведь явной калекой я не была. Все время улыбалась (со сжатыми зубами) была бодрой. Сильно, очень сильно хотелось быть, как все, или хотя бы казаться. Быть такой же спортивной, подтянутой. Быть красивой, веселой, смелой и умной. Быть сильной!

И Бога я просила. Господи, помоги! Но ждала я, как теперь понимаю, не его помощи, а чуда и только чуда. Раз – и готово. А по настоящему надеялась – на себя. Эгоизм во мне говорил, гордыня. Люди превозносят силу воли.

Только сейчас я понимаю, что людям почаще надо бы превозносить не силу воли, а веру в Бога и верить в его любовь к людям, в которую мы не верим.

– Сашенька, трудно верить в Божью любовь. А как же войны, как же концлагеря, где гибли безвинные люди, где детей малых убивали? Это ли Божья любовь? Где он был?

– Я думаю, Ниночка, что Бог не в том был, что начинают и делают люди. Бог в том, что и такому злодейству приходит конец. Почему конец злодейству происходит не сразу, или почему Бог допускает возникнуть такому страшному злу? Бог дает нам право выбора. Выбирайте: вот добро, а вот зло. И когда некоторые из нас выбирают зло, он дает нам время на то, чтобы мы увидели во что это выльется. Мы смотрим, ужасаемся. Бог прекращает это. А мы? Снова лезим и наступаем на те же грабли.

– Сашенька, но ведь не все мы!

– Да Ниночка, но ты забыла, что мы человечество, единый организм?

Граф Лев Николаевич Толстой Наверное понимал это, когда говорил, что каждый человек, каждый, должен сам себя совершенствовать в добре.

– Кто бы нас с детства этому учил, Сашенька. Родители – то не у всех такие благостные.

– Да, Ниночка. Родители. Чтобы машиной управлять, надо учиться, экзамены сдавать, права получить. А чтобы ребенка родить и морально его уродовать, хоть вольно, хоть

не вольно, не надо ни учиться, ни экзамены сдавать, ни права получать. Все само собой. Вот и падают яблочки недалеко от яблони. И в чужие семьи мы не лезем, со своими уставами. Не больно-то и хотелось, чтобы самому в лоб не получить.

– И какой же выход Сашенька?

– В Бога верить, и молиться. Это ведь давным-давно известно всем.

Бабульки перекрестились и задумались.

– А может умные люди еще что-то придумают? Спросила Нина Петровна.

– Придумали уже, в семнадцатом году в России матушке. Хотели как лучше, а получилось, как всегда. Класно написал Оруэл в своей книжке «Скотный двор».

– Вот ты, Сашенька говоришь, что граф Толстой к добру призывал, чтобы все себя добрыми старались делать. У нас в России добрых очень любят. Но считают дурачками. Мне вот очень хочется быть доброй. Это у меня в характере. Но хочется не получать за мое добро унижений, оскорблений, презрительного иногда или снисходительного отношения ко мне, как к какой то дурочке. Сами-то люди, большинство из них, не больно то и умные. В школе отличников и хорошистов в классе меньшинство. А большинство троешники. И никуда они из жизни не деваются. Такая же пропорция и в жизни, как в школе. И добрых они считают дурочками. Выучиваются хитрости, лгут, чтобы выжить, так как ума то не хватает, а жить хочется. Глядя друг на друга не добру ста-

раются учиться, а злу. Это реальность, если смотреть правде в глаза.

– Говорят, Ниночка, добра и зла в мире поровну, иначе нельзя. Иначе мир бы рухнул.

– Неисповедимы пути Господни, – согласилась Ниночка.

– И вот еще что скажу, Сашенька. Мне денег хочется. По настоящему много денег. Если в долларах, то миллионов восемь, и не меньше. А лучше больше. Хотя и от меньшего бы не отказалась.

– Ничего себе у тебя аппетиты, Нинок!

– Хи-хи, Сашенька. А реально – пенсии не хватает. То есть я счастлива, что одета, обута, крыша над головой, в тепле и сыта. Правда. Да, это большое счастье, если честно. Но я не то, что свожу концы с концами, а буквально эти концы стягиваю с усилиями. Не имею я того, чего хочу. И никогда полностью не имела. И так и помру. Обидно. Говорят, хотеть не надо. А я хочу.

Заработать не удастся. На хорошую работу в нашем возрасте, не берут. А за копейки последнее здоровье и время тоже жалко тратить. Да и силы, правда, не те.

У меня много знаний, опыта, но на хорошую работу, где деньги платят, не берут. Вот и не нужна я стала. И убеждаюсь все больше в том, что никто никому не нужен, если выгоды от этого нет.

– Да, без работы скучно, и безденежно. Чем ты Ниночка занимаешься дома?

– Дела себе сама нахожу. Одна моя знакомая старенькая бабулька говорит, что работает. Ухаживает, за старой, большой женщиной. Стирает, варит, убирает, гладит белье, в душе купает. А когда её спрашивают, кто эта бабушка, она говорит: «Да это я сама». Вот и у меня такая же «нелепая работа», полностью за собой ухаживать. Свое маленькое хозяйство, в своей маленькой квартире веду. Да еще сейчас развлечение – интернет.

– Да Ниночка, уж этот мне интернет. Кстати я там прочитала одно мнение. Интересное. Что мы запрограммированные биороботы. Вообще-то очень похоже. Адам и Ева в Раю с классной программой. Мы с засоренной. И мы можем сами себя перепрограммировать. Умные или святые так и делают. А тупым на что надеяться? Ага! На главного программиста, на господ Бога! Вот и ждем, когда нас Господь перепрограммирует. Сами то не можем. А тут еще и дьявол влез, в наши программы «вирусов» напустил. Вот все эти пьянки, наркотики, и все плохое – «вирусы». Это все дьявол постарался, хакер. Уберите хакера! Все портит, сволочь!

Бабушки улынулись.

– Да, Ниночка, если бы каждый из нас занялся тем, что старался бы быть хорошим, откуда тогда было бы взяться злу? А где взять для этого мотив? Люди этот мотив давно уже осознали – делать это ради Бога. Ради себя это делать не хотят. В чем загвоздка? Я думаю – в больном разуме, зараженном «вирусами». Разум служит нашему эгоизму, то есть ме-

сту, где дьявол свил себе гнездо.

– Ну, Сашенька, если так рассуждать, тогда понятно, почему на Руси любили блаженных, уважали их и слушали. Разума они были лишены, вот эгоизму, «вирусу» и не где было гнездиться, негде дьяволу приткнуться, так, Сашенька? – спросила Нина Петровна.

– Наверное, так, Ниночка. Может быть, душе одной без разума жить легче, тогда она живет не своим, а божественным разумом или сердцем которое нам что-то пытается сказать, а мы не слышим его? Только Блаженных нельзя путать с сумасшедшими, у сумасшедших, как раз и хитрость, и разум есть, но разум больной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.